

щается в волю, а только (в лучшем случае) в техническое суждение или в субъективное возбуждение чувства» (Rosenberg 1934: 364; выделено мной — Л. М.).

В конечном итоге, однако, все эти разграничения автор не сумел провести чётко. Граница между инстинктом и волей у него осталась такой же туманной, как граница между рассудком и разумом — граница, о которой психология перестала заботиться, как только из сферы спекулятивной философии перешла в сферу науки.

1.6.2. Ценности патриархата

Современная антропология, в общем-то, согласна с тезисом ещё классического эволюционизма, что патриархат возникает на сравнительно поздней ступени развития родового общества. Он возможен и оправдывает себя только на довольно высокой ступени общественного развития, когда ведущим становится производящее хозяйство, требующее не женской терпеливости и внимания к подробностям, а мужской физической силы. Зато реальность матриархата не доказана вообще. Его признаки (например, счёт родства по материнской линии, исполнение женщинами некоторых ритуалов) уходят в такую древность, когда вообще ещё не существовало власти в её современном понимании, в том числе и власти женщин.

Для Розенберга же «аполлонический принцип отцовской власти» (1934: 54, «das apollinische Paternitätsprinzip») — изначальное свойство арийцев. По его мнению, «Мойры (так же как норны германского мира богов) женственны, так как в женщине полностью господствует безличное, это лишь безвольно-растительная носительница закона» (: 42).

Целая глава — «Государство и полы» (Rosenberg 1934: 482—522) — занята рассуждениями о «половой полярности», аргументами в пользу того, что государственная власть выросла из мужских союзов. Больше того, женское движение XIX века оказывается в одном ряду «со всеми другими вредными силами: с мировой торговлей, демократией, марксизмом, парламентаризмом» (Rosenberg 1934: 497). «Следствием этого женского господства в Америке является необычно низкий культурный уровень нации» (Rosenberg 1934: 501). Только о евреях и католиках нацистский автор отзывается ещё оскорбительнее, чем о женщинах.

«Когда после десятилетней борьбы Троя, наконец, пала, была освобождена и причина этой борьбы народов: Елена входит в круг бойцов. Гомер не изображает её красоту, но лишь эффект, произведённый ею на окружающих. Воины, потерявшие друзей и братьев, претерпевшие тысячи лишений, единодушно решили, что ради этой женщины, ради этой красоты стоило пролить потоки крови. Таков греческий дух [Griechentum]! Была ли Елена внутренне достойна того, чтобы стоять в эпицентре драмы народов, не играет никакой роли. Даже вероятнее, что эта самка [Weibchen] так же хорошо чувствовала бы себя где-нибудь под Парижем, как и в постели царя Спарты. Во всяком случае, никакого сожаления о её судьбе незаметно» (Rosenberg 1934: 308).

Судя по тому, сколько места уделит автор этому вопросу, в личной жизни у него явно были проблемы. Впрочем, среди диктаторов расстройств в сексуальной сфере — скорее правило. Достаточно назвать шекспировского Ричарда III с его страстью «царить над теми, кто красивее меня», или парагвайского правителя Х. Г. Франсиа, или Гиммлера (не удовлетворял ни жену, ни любовницу, хоть и имел трёх детей, и скрывался от обеих на работе — с 8 утра до двух ночи). И именно в нацистской верхушке половые отклонения встречались особенно широко. Дедушка Фрейд с его

идеей сублимации мог бы многое сказать на эту тему. Да и сам Ницше когда ещё пророчил: «Люди, стремящиеся к величию, суть по обыкновению злые люди: таков их единственный способ выносить самих себя» (Злая мудрость, 35), — чем это особо отличается от фрейдистских диагнозов?

С этой позиции Розенберг подходит даже к Евангелию. Миф, оказывается, должен включать «мужественный облик Иисуса» («Die männliche Jesusgestalt» — Rosenberg 1934: 604). Напомним, что и Р. Вагнер, и Ф. Ницше были противниками христианства, но при этом высоко оценивали Христа как личность, считая, что его учение было искажено последователями — прежде всего св. Павлом. Это давало им «право» на обратную редакцию — у Вагнера в «*Парсифале*», у Ницше в «*Заратустре*». Тот же ход мысли и здесь. Не Христос благословляющий и исцеляющий, не Христос, страдающий на кресте и умирающий со словами: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лука 23:34), а Христос карающий, изгоняющий торговцев из храма (Иоан.2:15) устраивает Розенберга (1934: 604). Всё остальное в христианстве, по его мнению, — паулинистское извращение, вызванное «сирийским расовым духом» (Sygierium).

Однако пусть вспомнит любой читатель, знакомый с Евангелием: много ли в нём случаев, когда Христос кого-то карает или хотя бы угрожает? Эпизод с торгующими во храме, с бесплодной смоковницей («да не будет же впредь от тебя плода вовек» — Матф.21:19) — вот, пожалуй, и всё. Даже потопив стадо свиней (Матф.8:30—32; Марк 5:11—13; Лука 8:32—33), Христос поступил так не затем, чтобы наказать пастухов (или самих свиней), а потому лишь, что именно так он мог вылечить бесноватого. Во всех остальных случаях Христос не только не карает, но и не угрожает, а лишь учит и предостерегает. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф.18:3) — это не угроза («не пушу»), «Отец Мой не пустит»), а предупреждение («не получится, невозможно»). Из какого же материала мог быть создан «die männliche Jesusgestalt»? А если и мог (например, в «*Парсифале*» Вагнера), — Христос ли это?

Вопрос даже не в том, совместим ли нацизм с христианством: на этот счёт давно уже высказались все существующие церкви. Вопрос в способе использования и редактирования мифологических сюжетов вообще.

1.6.3. Сохранение чистой линии

Поскольку психологические свойства рас считаются наследственными, естественно возникает требование беречь генетическую чистоту (хотя законов наследственности автор не знает даже на том уровне, который был доступен уже в его время). Именно поэтому миф XX века он определяет даже не как идеологию чести и долга, а прежде всего как «миф крови».

Особую заслугу Заратустры он видит в «заботе о расовой чистоте, в поощрении близкородственных браков» (Rosenberg 1934: 32). Действительно, только зороастризм поощряет их, а брак между братом и сестрой вообще считает высшей формой: некоторые религиозные церемонии могли совершать только лица, состоящие в таком браке (ср. Видевдат 2; 8—13 и др.). В древнем Египте такое родство тоже считалось допустимым, а для правящих домов (во избежание смуты) — даже и обязательным. И всё! Все остальные народы, даже самые отсталые, были достаточно знакомы с влиянием инцеста на наследственность и решительно его запреща-